

ОЦЕНОЧНОСТЬ ЦВЕТОЛЕКСЕМ И ЕЁ АКТУАЛИЗАЦИЯ В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

© С. В. Кезина

Педагогический институт им. В. Г. Белинского

Россия, 440026 г. Пенза, ул. Лермонтова, 37.

E-mail: svkezina@gmail.com

Статья посвящена рассмотрению закономерностей развития оценочной семантики цветовых лексем, прежде всего основных цветообозначений, таких как красный, белый, чёрный, желтый и т.д. С привлечением материала литературной и диалектной разновидностей русского и других славянских языков автор выявляет наиболее характерные тенденции возникновения вторичных значений, связанных с оценочной сферой. Установлено, что цветовая семантика в истории языка генерировалась позже оценочной, причём иногда «сливалась» с ней прочно и органично, и это создавало впечатление, что именно цвет определял качество предмета. Цветовые лексемы последовательно реализуют полярные оценочные значения (положительные и отрицательные), которые «отбираются» языком, в чём проявляется закон вероятностной реализации семантического генофонда слова. В соответствии с ним компоненты семантической структуры слова (семы), закономерно развитые в ходе её эволюции, вероятностно реализуются в одном и в разных языках, что предполагает закономерное «включение» (доминантность) и «выключение» (рецидивность) сем в тот или иной период развития языков. Согласно указанному закону, цветолексемы различно актуализируют оценочные значения в истории того или иного языка.

Ключевые слова: цветообозначения, семантика, оценка, русский язык, славянские языки.

Цветолексеммы в разных языках широко используются для обозначения оценки. Происхождение оценочной семы уходит корнями в глубину веков и связано с оценкой значимых предметов окружающего мира. На ранних этапах развития человеческого общества ценность предмета реального мира зависела от того, насколько он был необходим для поддержания жизни. Цветовая семантика в истории языка генерировалась позже оценочной, причём иногда «сливалась» с ней так прочно, так органично, что создавалось впечатление, что именно цвет определял качество предмета. Оценка носила полярный характер, так как предмет оценивался как с положительной, так и с отрицательной стороны. Вот откуда последовательная реализация цветолексемами как положительной, так и отрицательной оценки. В этом проявляется закон поляризации значений, предполагающий *эксплицитное или имплицитное наличие в семантической структуре слова полярных сем, которые вероятностно реализуются в процессе исторического развития.* На разных этапах языковой эволюции цветолексеммы реализуют разные значения, что детерминировано вероятностным развитием языка и непосредственно связано с законом вероятностной реализации семантического генофонда слова, предполагающего, что компоненты семантической структуры слова (семмы), закономерно развитые в ходе её эволюции, вероятностно реализуются в одном и в разных языках. Под вероятностной реализацией мы понимаем закономерное «включение» (доминантность) и «вы-

ключение» (рецессивность) сем в тот или иной период развития языков. Согласно закону вероятностной реализации семантического генофонда слова, цветолексемы различно актуализируют оценочные значения в истории того или иного языка.

Приведём примеры различной реализации цветовой семантики слова в разных славянских языках. Так, русское слово *багряный* во второй половине XVIII века актуализировало значение «красивый» [9, с. 34]. Оценочность этого слова пережила свой расцвет, будучи связанной с цветовой семой «пурпурный», актуализированной в обозначении царской одежды и принадлежности к царскому роду. Ср.: *багрородьнии* «багрянородный», *багрянородный* «принадлежащий к царскому роду», *багряница* «одежда багрового цвета, первоначально царская» [10, с. 103], *багроносный*, «носящий багряницу, царственный», *багряница* «драгоценная ткань багряного цвета; одежда из этой ткани» и «торжественная пурпурная одежда», *багрянник* «тот, кто носит торжественное облачение (лица царского рода; близкое к царю лицо) и т.д. [14, с. 64]. В современном русском языке слово *багряный* не актуализирует сему оценки. Отрицательную оценку родственного цветоименования *багрэно* находим в белорусских говорах – «пасмурная погода» [5, с. 56].

Лексема *белый* в современном русском языке не обладает оценочным значением. Оценочное значение «чистый» дано с пометой «устар. и обл.» [13, с. 78]. В ярославских и архангельских говорах значение «чистый» сохраняется [18, с. 50; 1, с. 157–158]. Кроме того, в архангельских говорах лексема *белый* имеет другие оценочные значения: «здоровый, крепкий, кровь с молоком», «имеющий дымоход, выведенный наружу, через крышу (о печи или постройке)» [1, с. 157–158]. «Болг. *бял* (*бел*) обладает позитивными свойствами (= привлекательное), служит синонимом красивого» [7, с. 187], «болг. *бял-червен* «белый и румяный» (ср. рус. кровь с молоком)» [7, с. 188].

Оценочность, эволюционно развитая лексемой *красный*, также получила различную реализацию в разных славянских языках. В Словаре русского языка под ред. А. П. Евгеньевой находим «следы» исторической оценочности: «Трад.-поэт. Красивый, прекрасный. Устар. Радостный, счастливый. Народно-поэт. Ясный, яркий, светлый. Устар. Парадный, почётный» [13, с. 22]. Говоры русского языка сохраняют обширный оценочный диапазон этого слова. Оценивалось всё: значимость детей для родителей (красные (красны) дети, детки. Сын и дочь, когда они единственные дети у родителей); благополучие (красный – «счастливый»); рост (красный – «большой»); сила, здоровье (красный – «здоровый, сильный»); деловые качества человека (красный – «славный, известный», «деятельный, энергичный, способный»); внешний вид – «красивый, прекрасный» (красный город, красный берег); различные качества – «лучший, превосходный» (красные куры (хорошие); красный лён; красные веревки «резные столбы ворот»; красный день, денёк «ясный, погожий день»; красная изба «изба с изразцовой печью, с трубой, с косячатыми (не волоковыми) окнами» и «светлица»; красное окно, оконце «в трёхконной избе – большое среднее окно (часто с косяками и стёклами), «окно вблизи или в переднем углу избы (обычно большое, со стёклами)», «окно, выходящее на улицу», «окно, выходящее во двор», «окно с поднимающейся нижней рамой», «окно со стёклами», «большое окно летнего помещения» и т.д. [12, с. 189–196]. Обратим внимание, что *красная* одежда в говорах русского языка – «нарядная, праздничная» (по цвету – *белая*) [12]. Интерес представляют полярные значения, отмеченные в Словаре русских народных говоров для слова *красный* – «Ласкательное, а иногда бранное слово».

Именно об этом явлении В. Шерцль писал: «Несомненно, такая поразительная неопределенность значений в одних и тех же звуковых комплексах оказывается унаследованной от древнейших эпох языка, так как, чем язык древнее и чем народ примитивнее, тем чаще встречается это явление и наоборот: чем больше язык развит и чем образованнее народ, тем точнее он различает категории понятий и тем реже встречается энантиосемия, хотя отголоски ее во всех почти языках сохранились в многочисленных следах до настоящего времени» [17, с. 1–2].

По сравнению с современным русским языком, где слово *красный* актуализирует цветовую семантику, в других славянских языках широко актуализируются значения оценки. П. Я. Черных перечисляет эти оценочные значения: укр. *красний* «прекрасный», «красивый», «хороший», блр. (редко) *красны* обычно «прыгожы», в.-луж. *krasny* и н.-луж. *křasni* «великолепный», «роскошный», «красивый» и. т.д. Для обозначения же красного цвета в этих языках используются другие слова: в укр. – *червоний*, в блр. – *червоны*, в болг. – *червен*, в сербохорв. – *црвен*, *црвени*, в чеш. и словац. – *červený*, *rudý*, в польск. – *szeregony*, в в.-луж. – *čerwjenu*, в н.-луж. – *serwjenu* [16, с. 440].

Ф. И. Буслаев в «Исторических очерках русской народной словесности и искусства» (в разделе «Русский быт и пословицы») обращает внимание на отрицательную семантику слов *жёлтый*, *золотой* и образований от них. «Как ни странно покажется, однако не могу не указать на одну и доселе общеупотребительную поговорку, в которой *жёлтый* (то же, что *золотой*) имеет значение несчастного, горемычного, злого (точно так же, как в старину *золотой* имело силу проклятия); а именно: «житьё-то моё (или твоё, его) жёлтенькое!» Что это выражение старинное, общеславянское, доказывается подобной же поговоркой у сербов: «жут посао!» (жёлтое дело, т.е. злое, несчастное); слич. также сербскую пословицу: «не мој бити люта, да не будеш жута» [2, с. 84]. В говорах русского языка сохранены отрицательные значения: русск. диал. *жёлтая* (бран.) «противная ругань, не бравая» [11, с. 91], *жёлтенький* – «полный трудностей, лишений» [12, с. 11].

Эти же слова развивали в истории русского языка и положительные оценочные значения: «нар. *жёлтенько* – приятно» [4, с. 531]; в русских былинах цветообозначение *жёлтый* реализует значение «красивый» в сочетании *жёлтые кудри* [8, с. 14]; русск. диал. *золотой* «хороший, ясный (о погоде)», *золотой ручей* «ключ, родник, не замерзающий зимой», *золотой дождь* «своевременный, нужный, способствующий росту растений» [12, с. 333].

«В (болгарском) фольклоре часто наблюдается слияние жёлтого и золотого: *жълтица* – «золотая монета», жёлтый воспринимается как «прекрасный, красивый и дорогой»: На спукани пети жълти чехли» «На потрескавшиеся пятки нарядные тапки» [7, с. 192].

В современном русском языке цветолексема *синий* в сочетании со словом чулок выступает в отрицательном значении – «о сухой, лишённой женственности, всецело поглощённой научными интересами женщине» [13, с. 96], а в русских говорах *синяя одежда* – «праздничная одежда, даже и не синего цвета» [6, с. 184]. Интересные примеры приводит В. С. Фомина: *синий огонь* «адский» – *синее уханье* «приятный запах», *синий кафтан* «риза царская синего цвета» [15, с. 231]. В болгарском языке сочетание *синя кръв* имеет значение «благородных, голубых кровей», а фразеологизм *ставам син-зелен* (разг.) обозначает «бледнеть от гнева и ярости» [7, с.193].

Интересный материал дают мастеобозначения *сивый* и *чалый*. В болгарском языке *сив* – «невзрачный, не впечатляющий, неинтересный, грустный» [7, с. 194]. В русских пословицах

сохранена оценочная семантика цветолексема *чалый*: «Одно чадо, да и то чало» [3, с. 486]. *Чалый* здесь – «хилый», «невзрачный», «чахлый».

Цветолексема *зелёный* актуализирует отрицательную оценку: рус. диал. *зеленёхонький* «неопытный» [12, с. 246], *зелено* «дурно, нехорошо» [12, с. 249], болг. *зелен* «незрелый, неопытный» [7, с. 192].

Богатый материал по оценочной семантике даёт цветолексема *чёрный*. В современном русском языке отражены следующие оценочные значения: «неквалифицированный, не требующий высокого мастерства, подсобный, чаще физически тяжёлый или грязный»; «в дореволюц. России: принадлежащий к низшим, не привилегированным сословиям, к простонародью»; «отрицательный, плохой»; «мрачный, безрадостный, тяжёлый»; «злостный, низкий, коварный» [13, с. 667–668]. Павлюченкова Т. А. предполагает, что в русских былинах цветоименование *чёрный*, наряду с отрицательными значениями, реализует положительные – «нарядный, праздничный» в сочетании с существительными *шапка* и *шляпа* и «красивый» в сочетании с существительным *брови* [8, с. 7]. В болгарском языке реализуются отрицательные значения «лишённый радости» (Чёрен живот) и «несчастный, проклятый» (Роден съм на черен вторник, на черна събота «Родиться в чёрный вторник, в чёрную субботу» (о несчастливом человеке) [7, с. 188–189]. «В народной эстетике чёрное является позитивным свойством, если речь идёт о глазах и бровях: Да ти видя бялуту лице/Да ти видя черните йочи/черни ли са чюряшуви «Чтоб я увидел твоё белое лицо, чёрные глаза, чёрные глаза, черешневые» [там же].

Проанализировав примеры, иллюстрирующие реализацию оценочной семантики цветолексемами в разных славянских языках, можно сделать следующие выводы:

Цветолексема последовательно реализуют полярные значения, что подтверждает статус закона поляризации значений.

В процессе языковой эволюции оценочные значения (положительные и отрицательные) «отбираются» языком, в чём проявляется закон вероятностной реализации семантического генофонда слова и что подтверждает статус закона.

Можно предположить, что оценочность прошла в своём развитии несколько этапов: сначала (до появления цветовой семантики) оценивались значимые предметы реального мира, ставшие позднее эталонами для цветообозначения, затем уже цвет тех или иных значимых предметов реального мира переносился на человека при номинации его качеств (рус. диал. богатые «огонь, тлеющий под пеплом» – багряный «цвета огня, тлеющего под пеплом» – багряница «драгоценная ткань багряного цвета, одежда из такой ткани» – багрянородный «принадлежащий к царскому роду», рус. диал. зель, зелье «трава, употребляемая в пищу» – зелёный «цвета травы» – зелёный «неопытный, незрелый»).

Сравнение примеров из русского и других славянских языков показывает в ряде случаев одинаковое развитие семантики и одинаковую её актуализацию, что позволяет предполагать либо одинаковую генерацию значений в разных языках, либо одинаковое общеславянское «наследство», что в обоих случаях подтверждает закономерную генерацию сем в процессе семантической эволюции слова.

ЛИТЕРАТУРА

1. Архангельский областной словарь. Вып. 1–11. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980–2001.
2. Буслаев Ф. Догадки и мечтания о первобытном человечестве. М., 2006.

3. Даль В. И. *Пословицы русского народа: В 2 т. Т. I-II*. СПб.; М.: Издание М. О. Вольфа, **1879**.
4. Даль В. И. *Словарь живого великорусского языка. Т. I-IV*. М.: Русский язык, **2000**.
5. Кондратенко М. *Лексика народной метеорологии. Опыт сравнительного анализа славянских и немецких наименований природных явлений*. Munchen: Verlag Otto Sagner, **2000**.
6. Мельниченко Г. Г. *Краткий ярославский областной словарь, объединяющий ранее составленные словари (1820-1956)*. Ярославль: Яросл. обл. тип., **1961**.
7. *Наименования цвета в индоевропейских языках: Системный и исторический анализ / Под ред. А. П. Василевич*. М.: КомКнига, **2007**.
8. Павлюченкова Т. А. *Прилагательные со значением цвета в языке русских былин: Автореф. дис. ... канд. филол. наук*. М., **1984**.
9. *Рукописный лексикон перв. полов. XVIII в.* Л.: Изд-во ЛГУ, **1964**.
10. *Словарь древнерусского языка (XI-XIV вв.): В 10 т. Т. I-VI*. М.: Рус. яз., **1988-2002**.
11. *Словарь русских говоров Кузбасса*. Новосибирск: Б.и., **1976**.
12. *Словарь русских народных говоров. Вып. 1-43*. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, **1965-2010**.
13. *Словарь русского языка: В 4 т. Т. I-IV / Под ред. А. П. Евгеньевой*. М.: Рус. яз., **1985-1988**.
14. *Словарь русского языка XI-XVII вв. Вып. 1-28*. М.: Наука, **1975-2002**.
15. Фомина В. С. Семантика цветообозначений как объект исследования и изучения // Тезисы докладов и сообщений IV Международного симпозиума по лингвострановедению, 31 января - 4 февраля 1994 г., Москва. Ин-т русск. яз. им. А. С. Пушкина, **1994**. С. 230-231.
16. Черных П. Я. *Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. Т. 1-2*. М.: Рус. яз., **1994**.
17. Шерцль В. Н. О словах с противоположными значениями (или о так называемой энантиосемии) // *Филологические записки*. **1883**. Вып. 5-6. С. 1-39.
18. *Ярославский областной словарь: Вып. 1-10*. Ярославль: Прогресс, **1981-1991**.

Поступила в редакцию 15.08.2013 г.

EVALUATION OF COLOUR LEXEMES AND ITS ACTUALIZATION IN THE SLAVIC LANGUAGES

© S. V. Kezina

*V. G. Belinsky Pedagogical Institute
37 Lermontov Street, 440026, Penza, Russia.
E-mail: svkezina@gmail.com*

The article discusses patterns of evaluation semantics development in colour lexemes, primarily basic color terms, such as red, white, black, yellow, etc. The most typical tendencies of secondary meanings development connected with the estimation semantics are revealed on the material of dialectal varieties and literary sources of Russian and other Slavic languages. It was found that in the history of the language colour semantics was generated later than evaluative, sometimes it “merged” with evaluative semantics so firmly and organically that this created the impression that the colour determined the quality of the object. Color lexemes coherently implement polar evaluation (positive and negative) that are “selected” by the language, thus the law of word semantic gene pool realization probability appears. In accordance with the law components of the semantic structure of the word (semes), that have naturally developed in the course of its evolution, probabilistically realize themselves in one or in different languages, which implies a natural “turning on” (dominance) and “off” (recessiveness) of semes in a given period of language development. According to this law colour lexemes actualize evaluative meanings differently in a history of different languages. It is supposed that evaluation passed through several stages of development: significant objects of the real world were evaluated at first and became the latest standards for colour designations, then colour of significant object were transferred on humans for nominating their qualities (Russian dial. Bogatie “fire smoldering under the ashes” – bagryany “colour of fire smoldering under the ashes” – bagryanitsa “precious fabric of crimson colour, clothes from such fabric” – bagryanorodny “royal blood person”, Russian dial. zel', zelye “edible herb” – zeleny “grass colour” – zeleny “inexperienced, immature”). Comparison of examples from Russian and other Slavic languages shows in some cases the similarity of ways of development and actualization of semantics, this facts allows to suppose that either same ways of generation of meaning in different languages has taken place or that the Slavic “legacy” common for the languages has influenced them, that in both cases confirms the law-governed generation of semes in the process of semantic evolution of the word.

Keywords: *colour terms, semantics, evaluation, Russian language, Slavic languages.*

Published in Russian. Do not hesitate to contact us at edit@libartrus.com if you need translation of the article.

Please, cite the article: Kezina S. V. Evaluation of Colour Lexemes and its Actualization in the Slavic Languages // *Liberal Arts in Russia*. 2013. Vol. 2. No. 4. Pp. 361–367.

REFERENCES

1. *Arkhangel'skii oblastnoi slovar' [Arkhangelsk Regional Dictionary]*. No. 1–11. Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta, **1980–2001**.
2. Buslaev F. *Dogadki i mechtaniya o pervobytnom chelovechestve [Guesses and Dreams about Primitive Humanity]*. Moscow: 2006.
3. Dal' V. I. *Poslovitsy russkogo naroda [Proverbs of Russian People]*: V 2 t. T. I–II. SPb.; Moscow: Izdanie M. O. Vol'fa, 1879.
4. Dal' V. I. *Slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka [Dictionary of the Living Great Russian Language]*. T. I–IV. Moscow: Russkii yazyk, **2000**.
5. Kondratenko M. *Leksika narodnoi meteorologii. Opyt sravnitel'nogo analiza slavyanskikh i nemetskikh naimenovaniy prirodnykh yavlenii [Lexis of Folk Meteorology. Experience of Comparative Analysis of Slavic and German Names of Natural Phenomena]*. Munchen: Verlag Otto Sagner, **2000**.
6. Mel'nichenko G. G. *Kratkii yaroslavskii oblastnoi slovar', obaedinyayushchii ranee sostavlennyye slovari (1820–1956) [Yaroslavl Regional Concise Dictionary uniting previously compiled dictionaries (1820-1956)]*. Yaroslavl: Yarosl. obl. tip., **1961**.
7. *Naimenovaniya tsveta v indoevropskikh yazykakh: Sistemnyi i istoricheskii analiz [Color Names in Indo-European languages: System and Historical Analysis]*. Ed. A. P. Vasilevich. Moscow: KomKniga, **2007**.
8. Pavlyuchenkova T. A. *Prilagatel'nye so znacheniem tsveta v yazyke russkikh bylin*: Avtoref. dis. ...kand. filol. nauk. Moscow: **1984**.
9. *Rukopisnyi leksikon perv. polov. XVIII v. [Handwritten Lexicon of the First Half of 18th Century]*. L.: Izd-vo LGU, **1964**.
10. *Slovar' drevnerusskogo yazyka (XI– XIV vv.) [Dictionary of Old Russian (11-14th Centuries)]*: V 10 t. T. I–VI. Moscow: Rus. yaz., **1988–2002**.
11. *Slovar' russkikh govorov Kuzbassa [Dictionary of Russian Kuzbass Dialects]*. Novosibirsk: B.i., **1976**.
12. *Slovar' russkikh narodnykh govorov [Dictionary Russian Folk Dialects]*. No. 1–43. L.: Nauka. Leningr. otd-nie, **1965–2010**.
13. *Slovar' russkogo yazyka [Dictionary of Russian Language]*: V 4 t. T. I–IV. Ed. A. P. Evgen'evoi. Moscow: Rus. yaz., **1985–1988**.
14. *Slovar' russkogo yazyka XI– XVII vv. [Dictionary of Russian Language 11th-17th Centuries]* No. 1–28. Moscow: Nauka, **1975–2002**.
15. Fomina V. S. *Tezisy dokladov i soobshchenii IV Mezhdunarodnogo simpoziuma po lingvostranovedeniyu*, 31 yanvarya – 4 fevralya 1994 g., Moscow. In-t russk. yaz. im. A. S. Pushkina, **1994**. Pp. 230–231.
16. Chernykh P. Ya. *Istoriko-etimologicheskii slovar' sovremennogo russkogo yazyka [Historical-Etymological Dictionary of Contemporary Russian Language]*: V 2 t. Vol. 1–2. Moscow: Rus. yaz., **1994**.
17. Sherts'l' V. N. *Filologicheskie zapiski*. **1883**. No. 5–6. Pp. 1–39.
18. *Yaroslavskii oblastnoi slovar' [Yaroslavl Regional Dictionary]*: No. 1–10. Yaroslavl: Progress, **1981–1991**.

Received 15.08.2013.